

Завтра, 31 мая, исполняется 60 лет со дня рождения замечательного советского писателя, лауреата Ленинской премии Леонида Максимовича Леонова. Творчество Леонова пользуется большой любовью читателей. Книги писателя издавались в СССР 134 раза на 11 языках общим тиражом 4 674 тысячи экземпляров. Роман «Русский лес», отмеченный Ленинской премией, переиздавался 13 раз тиражом 1 105 тысяч экземпляров. 69 раз книги Леонова Леонова выходили за рубежом.

Слово о Леониде Леонове

ЭТО было в давнее время, когда я только написал свою первую повесть и по отношению к тому, что тогда появлялось в нашей литературе, был исполнен молодого критизма. Но, прочитав роман «Барсуки» Леонова, я сразу же почувствовал безоговорочное восхищение перед художественным со-

вершенством этого произведения, перед изумительной лепкой характеров, в нем выведенных. В особенности же покорило меня искусство слова, проявившееся в этом произведении. Я издавна убежден, что исследование языка Леонова является благодарным делом для литературоведов и писателей. Как чутко слышит он все тончайшие особенности языка народного! Не чураясь областных речений, как бережно отбирает он среди них все, что служит обогащению языка, как прекрасно разбирается в изысканных архаизмах русской книжной речи! Но при этом язык Леонова отмечен печатью современности—таков он был и в «Воре», и в «Соти», и в «Скутаревском», и в «Русском лес». А такие куски леоновской прозы, как описание московского Зарядья в «Барсуках», следует изучать в нашей школе как замечательные образцы русского литературного языка. С тех давних пор на всю жизнь запомнил я эту главу, может быть, еще и потому, что в дни молодости А. А. Фадеев по многу раз читал ее вслух, восхищаясь ее стилистическим совершенством (а читал он мастерски).

Фадеев и я принадлежали к той части РАПШа, которая ратовала за дружбу с так называемыми «попутчиками», среди которых был и Леонов (сейчас особенно стало видно, что нигуда не годился этот термин).

«Дружить — так дружить», — сказали мы и сами навязались в гости к Л. М. Леонову. Жил он, если не изменяет мне память, на Хамовническом плацу, а это была тогда довольно тихая окраина Москвы. И такой же тишиной, душевной чистотой и уютом была проникнута небольшая комната, где нас принимал молодой хозяин. Наверное, это была единственная комната, в которой помещалась вся семья Л. М. Леонова, — маленькая дочка его мирно спала тут в детской кроватке, и мы умеряли голоса, чтобы не разбудить ее.

С Л. М. Леоновым мы были уже знакомы. Принадлежали мы к одному поколению, причем, если сложить вместе наши годы да добавить еще возраст юной жены Леонида Максимовича и маленькой его дочки, то все же нельзя было бы назвать полной сотни. Но сблизало нас не то, что мы были почти одногодками, — мало ли наших одногродков в годы гражданской войны оказалось белогвардейцами! Так же как и мы, Леонид Максимович прошел школу Красной Армии — он служил в знаменитой дивизии, которая брала Перекоп. Вместе с Фурмановым работал он в газете «Красный воин».

Это был наш сверстник, товарищ, поэтому разговор между нами возник сразу простой, непринужденный, открытый; сразу выяснилось, по каким вопросам тогдашнего дня искусства мы сходимся, по каким расходимся. Но мне вспоминается, что мы во время той встречи много

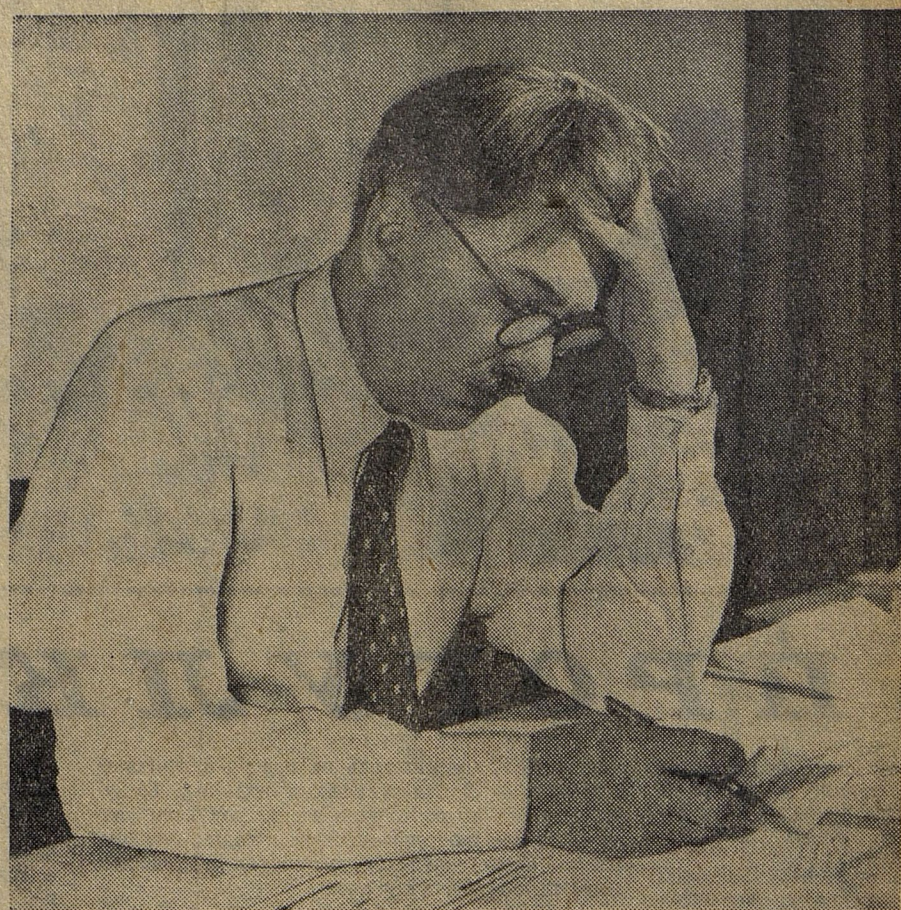

Фото Д. Бальтерманца

смеялись от молодой жизнерадостности, от дружелюбия и близости в чем-то главном. Конечно, многое в нас было несхоже; помню, как поразило меня нежное пристрастие Леонида Максимовича к кактусам. Эти новорожденные колючие уроды обитали в крошечных горшочках, и, насколько мне помнится, Леонид Максимович придумывал какие-то особенные приспособления, чтобы выращивать этих изнеженных детей тропиков в обстановке, приближенной к родным условиям жизни. А за окном белели снега, покрывавшие весь безмолвный плац...

Сейчас, оглядываясь в прошлое, я вижу, как прекрасно было это чистое, исполненное типичны и трудолюбия начало писательской жизни. И о многом говорил теплый свет, с которым Леонид Максимович своими светле-серыми глазами глядел на обитателей маленьких горшочков... Но в то время самое слово «быть» было для нас ненавистно: «не быт, а бытие», — гордо говорили мы тогда. И после встречи с Леоновым мы долго и всерьез обсуждали, как относиться к разведению кактусов в комнатных условиях и достойно ли это занятие советского писателя? А недавно, когда Леонид Максимович как-то показывал нам чудесную зелень на своей даче в Перedelкине, я хорошо понял эту постоянную и нежную любовь писателя к зеленому миру нашей планеты. «Так вот из каких душевных глубин вырос «Русский лес», — подумалось мне.

Наша первая встреча произошла в 1925 или 1926 году, и еще далеко было до создания теперешнего единого Союза писателей. Но в таких, казалось бы, домашних и личных встречах и разговорах сплеталось единство нашей литературы, которое прозорливо увидела партия еще задолго до того, как увидели его мы сами. На этом единстве создан был Союз писателей, на нем прочно воздвигалось наше общелитературное дело.

Без красивых фраз и выспренных деклараций Л. М. Леонов отдал этому делу всю свою жизнь. Это выражается не только в неустанной его работе за письмен-

ным столом, но и в постоянной помощи молодым писателям. Не раз бывало, что рукописи учеников Леонова попадали ко мне, и молодые писатели рассказывали о своем учителе, иногда пересказывали его не случайно запомнившиеся на всю жизнь слова. Один в последнее время очень известный и даже прославленный писатель пересказал мне крепко запомнившийся ему совет Леонова:

— Помните, что произведение должно заинтересовать читателя с первых же слов, с первой же фразы. Что читателю до того, что ваша вещь будет интересна со второй страницы, если он не сможет прочесть первую?!

Не правда ли, эти слова стоит запомнить не только молодым и начинающим писателям?

А другому ученику своему Леонид Максимович сказал:

— Умейте поставить себя в положение вашего героя; только если сумеете это, вы добьетесь, чтобы читатель вам поверил. Если хотите изобразить мир с точки зрения безногого, — потрудитесь, встаньте на колени и поглядите на мир с его позиции.

Правило это, при всей его метафоричности, полезно для любого художника-реалиста, в каком бы виде и жанре искусства он ни работал.

Но особенно ценны мысли Л. М. Леонова о литературном языке. Вкус его безошибочен, опыт огромен. Мне представляется, что в нашем писательском союзе Л. М. Леонов мог бы быть хранителем и арбитром в вопросах сбережения чистоты русской речи—того великого языка, который самой историей предназначен быть языком дружбы советских народов.

...Шестидесять лет! Много пережито Л. М. Леоновым—потому, что переживалось вместе с родным народом, вместе с родной литературой. Но взор его ясен и чист, и пронизателен, тверда рука художника, молодо сердце человека, просветленное служением делу советского искусства!

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ